

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS
NOT RETURNED TO THE LIBRARY
ON OR BEFORE THE LAST DATE
STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF
OVERDUE NOTICES DOES NOT
EXEMPT THE BORROWER FROM
OVERDUE FEES.

WIDENER LIBRARY
BOOK DUE
DN 05/2/10
DEC 18 1983
2454697

Widener Library

3 2044 099 693 491

HD WID

Widener Library

3 2044 101 800 415

БОГЕМА
поэзія ПРОЗА
КРИТИКА

Harvard
University
Library
Library

№ 2

1915 г.

АЛЕКСАНДР ГЕГЕЛД.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый литературно-художественный и научно-критический журналъ

— „БОГЕМА“ —

поэзия—проза—критика.

поэзия—проза—критика.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ:

Петроградъ, Загородный пр., д. 40, кв. II.—Телефонъ 43-08.

ВЪ ПЕТРОГРАДЪ:

Абонементъ на 24 вып.: 3 р. — л.
» » 12 » 1 » 76 »

ВЪ ПРОВИНЦІИ:

Абонементъ на 24 вып.: 3 р. 50 »
» » 12 » 2 » — »

На свѣдѣнію гг. авторовъ:

Рукописи должны быть написаны четко
на одной сторонѣ листа. На отвѣтъ и
возвращеніе рукописи слѣдуетъ прило-
жить почтовыя марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи отъ 5—8 час.
вечера ежедневно.

4006

4006

БОГЕМА

№ 2. АПРЪЛЬ. 1915 ГОДЪ.

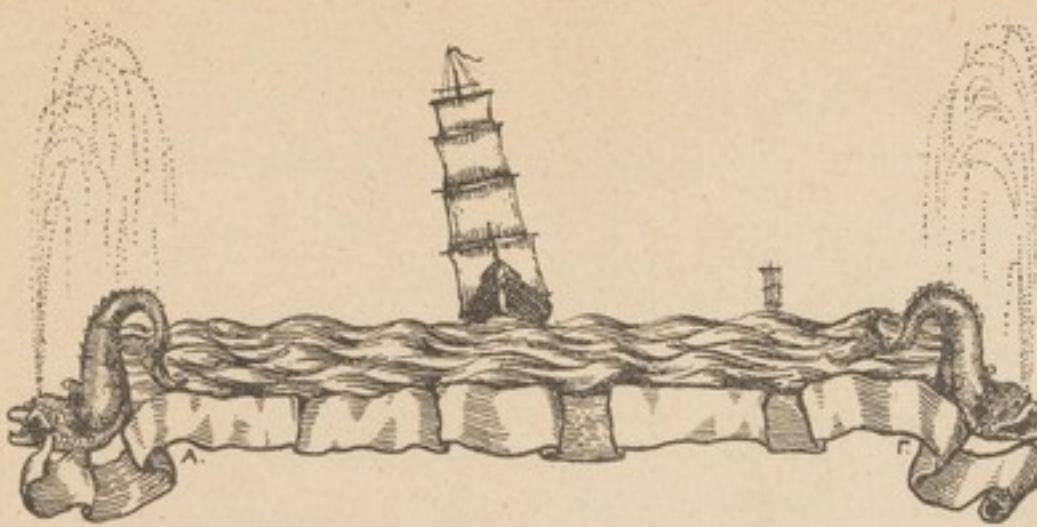
СОДЕРЖАНИЕ:

ВЛАДИМИРЪ ЗЛОБИНЪ . Изъ Венецианского
альбома (стих.) . . . . .
А. ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКІЙ . Старомодная музыка (стих.).
АЛЕКСАНДРЪ БАЛАГИНЪ. „Душа Маріонъ“. (разказъ).

ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ . . . Смѣхъ. (стих.) . . .
Я. ЛЮБЯРЪ . . . . . „Дорога всѣхъ скор-
бящихъ“ (разказъ) . . . . .
НИКИТА ЖУКОВЪ . . . . . Рыцари духа . . . .
ВИНОЧЕРПІЙ . . . . . „Нѣмецкое зло“ . .

РИСУНКИ и КОНЦОВКИ:

С. СКЕРНОВИЦКІЙ . . . . . Рисунокъ углемъ.
ЛЮДОМИРЪ СЛЕНДЗИНСКІЙ . Рисунокъ сангиной.
ЛЮДОМИРЪ СЛЕНДЗИНСКІЙ . Рисунокъ сангиной.
КОНЦОВКИ и ЗАСТАВКА.—Александръ Гегелло,
В. Кокоревъ и др.

Владимиръ Злобинъ

Изъ Венецианскаго альбома.

Однажды вечеромъ, въ кафе у Флоріана,
Мы встрѣтились по странной волѣ рока.
Съ улыбкою затравленнаго Пана,
Пропитанный удущивымъ Сирокко,
Напомнившій мнѣ чѣмъ-то робость лани;
И, опустивъ бровей густыя арки,
Онъ слушалъ, полулежа на диванѣ,
Звучавшій вдалекѣ сонетъ Петрарки.

Вторично мы увидѣлись у дожей.
Въ толпѣ туристовъ прибыльного лѣта,
Томящійся, на прочихъ непохожій,
Онъ замеръ передъ Вакхомъ Тинторетта.
Впивая до послѣдней капли пота,
До вскриковъ, заглушенныхъ сиплымъ лаемъ,
Восторги самоцѣльного полета,
Который навсегда неповторяемъ...

Мы вскорѣ познакомились на Лидо,
Спасаясь отъ жары въ стабилименто...
Сверкала наготой, какъ Энеида,
Прибрежья исчезающая лента...
На фонѣ полновластнаго прибоя,
Окутаннаго рвущеюся пылью,
Я понялъ глубину его покоя
И волю, обреченную безсилью.

А вечеромъ, когда по пятнамъ мелей,
Прошла луна, рожденная недавно,
И въ зелени пирамидальныхъ елей
Сталь блѣденъ обнаженный профиль фавна,
Мой спутникъ, изнывающій, безкрылый,
Вернувшійся, какъ собственное эхо,
Смѣялся утомительно и хило
Остаткомъ недосмѣяннаго смѣха,

Мнѣ кажется, въ безуміи исканья
Еще никто такъ не любилъ контрасты,
Какъ души, въ глубинѣ всеотрицанья
Построившія замкнутыя касты.
Судьба, не отвѣчающая стону—
(Кто-бѣ міръ не раздробилъ на казематы!)
Съ настойчивостью, родственной закону,
Ломаетъ недокованнныя латы.

Съ тѣхъ поръ я не слыхалъ его походки
Ни въ гулкости холоднаго базальта,
Ни тамъ, гдѣ проплывающія лодки
Ласкаютъ переброшенный Ріальто.

Я. Лозина-Лозинскій.

Старомодная музыка.

При лунномъ свѣтѣ,
При лунномъ свѣтѣ,
Танцуйте тихо, танцуйте, Нэтти!

Полночный залъ такъ чуточъ и такъ звонокъ,
Часы съ амурами и парою колонокъ
Роняютъ дряхлый звонъ, какъ думы долгихъ
лѣтъ...

Пойдемъ смотрѣть на темныя картины,
Заставимъ дребезжать большія клавесины,
Вѣдь лунный свѣтъ проходитъ сквозь гардины!
Сыграемъ-же гавотъ иль чинный менуэтъ...

При лунномъ свѣтѣ,
При лунномъ свѣтѣ,
Танцуйте тихо, танцуйте Нэтти!

Какъ дали въ тѣмѣ великолѣпно-странны,
А звуки медленны, кристальны и жеманны,
Какъ будто барышни въ робонахъ и чепцахъ...
Ахъ, при лунѣ мы оба съ вами дѣти,
Хоть я стариkъ душой, а вамъ легко на свѣтѣ.
Вы въ бѣломъ платьицѣ, о, маленькая Нэтти,
Въ прелестныхъ черненыхъ чулкахъ и башмач-
кахъ!

При лунномъ свѣтѣ,
При лунномъ свѣтѣ,
Танцуйте тихо, танцуйте, Нэтти!

Мой милый другъ, мелодіи мечтаютъ?
И кто-то дразнится, въ углахъ ихъ повторяетъ?
Какъ долго ноты залъ умѣеть сохранить!
У васъ лицо смеется и серьезно...
Моя лукавая, ступайте осторожно,
А кружева края поднять немного можно
И мѣсяцъ искоса улыбкой подразнить.

При лунномъ свѣтѣ,
При лунномъ свѣтѣ,
Танцуйте тихо, танцуйте, Нэтти!

Танцуйте такъ, какъ предки танцевали,
Что въ Бога вѣрили и парики таскали
И говорили: „льзя“, „засимъ“ и „посему“...
А кончите, съ поклонами мы разомъ
Портретамъ праотцевъ, смеясь, языкъ покажемъ
И послѣ обо всемъ мы никому не скажемъ!
Давайте, Нэтти, такъ: не скажемъ никому?

Александръ Балагинъ.

Душа Маріонъ.

Это былъ бѣднякъ-скульпторъ на Rue Falguière, талантливый и, можно сказать, традиціонно-голодный, ибо голодъ—традиція мансардъ Латинскаго квартала, традиція, не лишенная своего рода романтизма. Онъ не былъ французомъ, хотя за тѣ шесть лѣтъ, что онъ, Палевскій, оставилъ мальчикомъ Варшаву, онъ могъ уже себя считать вполнѣ парижаниномъ.

Парижанинъ!.. Это значитъ человѣкъ шума, жизни, бульваровъ, монмартрскихъ кабачковъ и сентъ-антуанскихъ митинговъ? Прежде всего, это значитъ человѣкъ труда. Но трудъ художника—игра въ темную... Трудъ художника! А оцѣнка публики? И этихъ художниковъ, не слишкомъ ли ихъ много?

Палевскій былъ упоренъ. И онъ былъ талантливъ. И онъ былъ нищъ. Но если въ Парижѣ борется голодный художникъ, который пришелъ, какъ паломникъ—о!—учиться, который подслушалъ—о!—самыя святыя мелодіи души въ Луврѣ и Люксембургскомъ дворцѣ, который творилъ и выставлялъ, и бесплодно возился съ критиками, торговцами, ректорами, директорами, жюри, коллекціонерами и богатыми буржуа-эстетами, то онъ долженъ обладать способностью отдаваться святому искусству настолько, чтобы не замѣтить того, что эгоистъ можетъ назвать громкимъ словомъ „дѣйствительность“.

И Палевскій былъ такимъ человѣкомъ. Ихъ, кстати, много въ Парижѣ, а особенно, въ Латинскомъ кварталѣ, пугающихъ плѣдомъ, длинными волосами, молчаливостью, блѣдностью, страннымъ взоромъ. Да и гдѣ ихъ нѣтъ.

Шесть лѣтъ Палевскій работалъ съ утра до вечера и не замѣчалъ, какъ убога, неряшива, неуютна его девятнадцатифранковая крошечная холодная комнатка на седьмомъ этажѣ. И что-же? Его знали? Да! Его знали въ средѣ скульпторовъ и художниковъ, о немъ упоминали иногда

гдѣ нибудь въ cabaret artistique, какъ о молодомъ, талантливомъ, подающемъ большія надежды, скульпторѣ. А самъ Палевскій вѣрилъ въ себя твердо. Они честолюбивы, эти maestro-оборванцы. Палевскій ни минуты не сомнѣвался, что онъ выберется на „широкую дорогу“ и займетъ „не послѣднее мѣсто среди своихъ коллегъ“. Если только, конечно,—„хоть немного развинутся рамки, въ которыхъ втискиваютъ тяжелыя условія жизни“. А условія были воистину ужасны.

Его постоянный приходъ состоялъ почти только въ одной графѣ—преподованіи русскаго языка въ одномъ оѣранцу-жившемся семействѣ—тридцать пять франковъ. А его расходъ:—прежде всего, 19 франковъ за комнату. На остальное—16 франковъ!..

Dieu soit beni, иногда все-таки продавалась какая-нибудь женская головка; женскія головки, именно онъ выходили у Палевскаго особенно хорошо...

Нерѣдко бывали случаи, когда Палевскій по два дня ничего неѣлъ. Но если кто-нибудь замѣчалъ его больной, лихорадочно-голодный взоръ, скульпторъ потряхивалъ своими бѣлокурыми прядями, улыбался во весь ротъ и говорилъ:

— Что такое голодъ? Это мудрость.

И часто онъ говорилъ также и другое:

— Талантливый человѣкъ долженъ расчистить себѣ путь. А ослабѣвшаго человѣка не жаль. Въ нашъ вѣкъ должны жить стойкіе и сильные, а слабые—прочь съ дороги!

Онъ любилъ иногда, правда, только послѣ коньяку, „погромыхать“, какъ говорилъ его другъ, художникъ Зубинъ.

И онъ былъ хорошъ собой, Палевскій—высокій, съ серьезнымъ лицомъ, съ бодрыми глазами. Этотъ неврастеникъ умѣлъ „держаться“.

Но въ душѣ скульптора было совсѣмъ иное—жизнь начинала утомлять, надламывала здоровье, появился застарѣлый катарръ; подъ глазами темнѣли огромные синяки, а растрепанные волосы и давно небритая борода дѣлали его почти страшнымъ на первый взглядъ.

Однажды Палевский познакомился у Зубина съ женщиной. И сразу поразило скульптора ея лицо. Совсѣмъ еще молодая, но очевидно много пережившая, она выглядѣла гораздо старше своихъ двадцати семи лѣтъ и была „какъ женщина“ совсѣмъ неинтересной внѣшности.

Палевский помнитъ первое впечатлѣніе.

Въ темномъ углу сидѣла на диванѣ съ ногами высокая, худая женщина; въ сумеркахъ скульпторъ не разглядѣлъ ея лица, онъ видѣлъ только угловатый, прямой, странно неподвижный силуэтъ. Женщина ничего не отвѣтила на его привѣтствіе и пожала ему руку какъ-то слишкомъ явно-равнодушно; и очевидно было, что она почти не замѣчаетъ его присутствія... Было странно, что она держится такъ прямо, такъ напряженно и въ то же время какъ будто такъ пассивна, такъ чужда всему...

Она отвѣтила что-то Зубину. Изъ тьмы зазвучалъ надтреснутый, разбитый, немного иронической голосъ...

И, когда комнату освѣтили, Палевский увидѣлъ страшно-худое и нервное лицо, почти некрасивое, съ страдальческимъ изгибомъ губъ... Но это было и необычайное лицо.

Усталые глаза горѣли особыннымъ внутреннимъ, одухотвореннымъ свѣтомъ. Большой мужской лобъ былъ испещренъ бороздами морщинъ.

Одѣта она была бѣдно. Платье висѣло, какъ на вѣшалкѣ,—и вотъ это-то все взволновало, поразило и привлекло Палевского.

Вѣдь онъ былъ скульпторъ. Онъ былъ художникъ.

Ее звали Маріонъ. Палевский уже слышалъ обѣйней какъ-то... Да, слышалъ гдѣ-то...

Журналистка Маріонъ... Талантъ, веселое, злое перо. Говорили: трагическая судьба, обыкновенно-трагическая... Сперва какой-то романъ съ молодымъ писателемъ, бѣгство въ мансарду изъ подъ родительского кровла, нищета и творчество, и, наконецъ два года незавиднаго „счастья въ хижинѣ“, „онъ“ умираетъ въ чахоткѣ. Маріонъ травилась, но ее спасли. И по этому поводу въ богемѣ одно время говорили обѣйней много.

— „Oh, triste, triste etait mon ame.

А cause, a cause d'une femme“...

— декламировалъ Зубинъ Верлена, рассказывая какъ-то о Маріонъ Палевскому. „Понимаешь, не глаза, а буравчики, рапиры. Но замученная кошка—работаетъ по ночамъ, редактировала какую-то дрянь журнальчикъ и бѣдна, какъ крыса. И, представь, собрала компанію хорошихъ работниковъ журналу, сама, говорятъ, написала чудную вещь, что-то нѣжнѣйшее и тѣмъ самымъ выдвинула журналъ, а ее потомъ оттуда же честью просятъ. Интриги! Ахъ, каналы! Только что потеряла все, чѣмъ жила, понимаешь, все, чѣмъ жила! И еще ищи хлѣбъ. Ищи! Тутъ, братъ, сломишься. И хоть бы какая нибудь собака выручила...

Маріонъ дѣйствительно выглядѣла сломленной; но, нѣтъ, никто не назвалъ бы ее жалкой: въ ея голосѣ было слышно слишкомъ много „не тронь меня“. И въ ея печали было столько достоинства...

Черезъ нѣсколько дней они встрѣтились на улицѣ, Палевский пошелъ рядомъ.

— Можно? Я не помѣщаю вамъ?

— Пожалуйста, я рада.

— Я по утрамъ всегда бродяжу. Я провожу васъ. Вы въ редакцію, навѣрно?

— Разскажъ несу...

Заговорили.

— Какое у васъ замѣчательное лицо!—не выдержалъ скульпторъ.

— Вотъ съ тѣхъ поръ, какъ я съ вами познакомился у Зубина, я нигдѣ не могу найти успокоенія. Такъ вотъ и стоить ваше лицо передъ моими глазами. Не могу объяснить почему, но тянется меня выпить ваше лицо.

Маріонъ усмѣхнулась.

— Стоитъ-ли? Самое обыкновенное, заурядное лицо. Ничего особенного не вижу... Будь я скульпторомъ, я-бы себя не стала лѣпить...

— О, нѣтъ, не говорите такъ... Такія лица, какъ ваше, встрѣчаются разъ въ жизни. И нужно быть феноменально-глупымъ, чтобы утерять ихъ. О, если-бы я имѣлъ

возможность работать съ васъ! Мнѣ кажется, я создалъ-бы шедевръ. Я весь горю теперь желаніемъ воплотить ваше лицо въ скульптурѣ. Знаете, какъ я назвалъ-бы эту работу?...

— Какъ?..—тихо улыбнулась Маріонъ.

— Я назвалъ- бы ее „Душа Маріонъ“... Я уловилъ-бы всѣ изгибы не только вашихъ губъ и чертъ лица, но и вашей многогранной души... Я-бы...

— Ого, вы мефистофель- ствуете!...

— Нѣтъ, сейчасъ передъ вами только скульпторъ. Но... —вдругъ забезпокоился Палевскій, — развѣ я смогъ-бы надѣяться на такую радость: вѣдь вы не согласитесь позироватъ мнѣ для задуманной работы.

— А почему-бы и нѣтъ?— вскользь бросила журналистка. — Я лично ничего противъ вашего предложенія не имѣю... Только вѣдь я... неинтересная..

— Боже мой! Да развѣ нужна обязательно красота? Я ишу совсѣмъ другую красоту... Ишу то, что тамъ, въ уголкахъ... Такъ вы... согласились-бы?.. Нѣтъ, нѣтъ, развѣ я смѣю отнимать ваше время?..

C. Скерновицкій

Маріонъ остановилась.

— Неужели вамъ, дѣйствительно, хочется лѣпить мое лицо?

— Да!.. Сильно!..

— Вашъ адресъ?..

— Вы... согласны?!

— Ну, конечно... Я такъ много слышала о васъ, какъ о талантливомъ и хорошемъ человѣкѣ, что ваше предложеніе мнѣ даже льститъ. Я рада... Итакъ, вашъ адресъ?..

Палевскій сказалъ.

— Завтра,—кинула головой Маріонъ,—я буду у васъ въ десять часовъ утра. Вы не заняты?..

— О, когда угодно!

Палевскому казалось, что что-то новое вошло въ его жизнь. Точно все вокругъ него зацвѣло и запѣло. Цвѣли мечты, сбывались надежды...

Нѣтъ, Палевскій не любилъ Маріонъ, какъ женщину.

Она приходила въ его убогое „ателье“, онъ тотчасъ-же съ жаромъ принимался за работу. Онъ лѣпилъ лицо Маріонъ изъ глины. Имъ овладѣлъ тотъ странный трансъ, полный активности, который знаютъ творцы. И весь міръ былъ прекрасенъ, таинственненъ и глубокъ... Палевскій былъ пьянъ вдохновенiemъ! Теперь онъ зналъ: часъ пробилъ. Онъ дастъ великое. Да, онъ дастъ великое. И работа... она удавалась!.. Постепенно изъ глины выявлялось лицо Маріонъ. Палевскій работалъ лихорадочно, съ большимъ подъемомъ, такъ, какъ никогда еще не приходилось ему работать.

Только теперь онъ вполнѣ постигъ всю радость творчества, только теперь ощутилъ въ себѣ, насколько дорого ему искусство... О, какое вино!

— Если-бъ я не встрѣтился тогда съ вами у Зубина, я попрежнему хандрилъ бы... Только теперь я понялъ, что жизнь безъ служенія искусству для меня равносильна смерти... Какъ счастливъ, безумно счастливъ тотъ, кто хоть на минуту ушелъ отъ всего туда, въ царство формъ!..

РИСУНОКЪ УГЛЕМЪ

Но они говорили мало. Они оба стали задумчивы и меланхоличны въ этой маленькой мастерской на седьмомъ этажѣ.

Маріонъ поражалась тому, какъ быстро онъ работаетъ.

— Вы волшебникъ!—улыбалась она.—Отдохните...

— Я?.. Ни-когда!.. Да теперь я могу работать по двадцать пять часовъ въ сутки... Хотя, простите,—вдругъ смущался Палевскій,—вы, кажется, устали?..

— Нѣть, ничего...

— Но я вижу, по вашему лицу, что вы утомились...

Она, дѣйствительно, утомлялась отъ позированія и блѣднѣла.

По окончаніи сеанса, Маріонъ торопливо одѣвала свой потрепанный жакетъ и бѣжала домой. Провожать себя она не позволяла, и поэтому Палевскій даже не зналъ, гдѣ она живетъ.

И вотъ однажды Маріонъ не пришла. Палевскій проходилъ ее до самаго вечера и не могъ понять—что случилось?

На другой день она опять не пришла. Палевскій началъ тревожиться.

Что нибудь случилось? Больна она? И въ голову лѣзли самыя глупыя мысли: надоѣло ей позировать или она разочарована въ его работе?.. Быть можетъ, очень занята въ журнальчикѣ?..

И Палевскій злился, тосковалъ передъ статуей, оставался въ невѣдѣніи, отъ которого „онъ скоро заболѣтъ“,—какъ говорилъ онъ самъ себѣ.

Пойти къ Зубину! Но, какъ на зло, единственный человѣкъ, знавшій адресъ Маріонъ, уѣхалъ на двѣ недѣли въ Бретань. Онъ вернется только къ Пасхѣ.

Ба! Черезъ двѣ недѣли Пасха... Люди готовятся къ празднику! И какъ онъ не могъ догадаться?.. Безусловно, Маріонъ завалена предпасхальной работой!.. Но тогда она, навѣрное, предупредила-бы его... И до Пасхи цѣлыхъ двѣ недѣли!.. Нѣтъ, не то!.. Не то...

Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, поминутно подбѣгалъ къ окну, но знакомая угловатая женская фигура не показывалась.

Тогда скульпторъ снималъ съ глиняной скульптуры мокрую тряпку, отходилъ въ уголъ и долго простоявалъ неподвижно.

Въ комнатѣ Палевскаго окно было раскрыто настежь. Шумно и свѣтло. Громадный бликъ на бѣлой двери колебался, какъ водяная поверхность.

Вошла Маріонъ.

— Простите, я васъ подвела... Вы меня ждали...

— Да, да,—и Палевскій почувствовалъ, что отвѣчаетъ на свои мысли, и вдругъ неожиданно рѣзко:—Маріонъ, вы больны, вы серьезно больны!

Лица Маріонъ онъ никогда не видѣлъ при такомъ яркомъ свѣтѣ, и теперь эти ниточки морщинъ, желтоватыя маленькия уши, прозрачная кожа, сквозь которую свѣтится голубая и розоватая кровь.—Да, да!

— Вы были нездоровы?

— Ахъ, это старая исторія...

— Что съ вами?

— Ничего... усталость.

— Но сегодня мы отложимъ сеансъ. Будемъ вотъ здѣсь на окнѣ сидѣть до сумерекъ, пока вамъ, Маріонъ, не станетъ скучно!

— Нѣть, сегодня вы должны работать, я хочу, чтобы вы работали!

Палевскій внимательно смотрѣлъ на нее и вновь видѣлъ только натуру съ тонкимъ, удивительно лѣпнымъ лицомъ.

Сегодня онъ подмѣтилъ въ лицѣ Маріонъ новую черточку: между ея сомкнувшихся бровей глубже залегла морщина серьезности.

Палевскій быстро отмѣтилъ ее на глинѣ. Губы Маріонъ были какъ-то больше скжаты, почти стиснуты, а на лицѣ еще блуждалъ какой-то отблескъ пережитого отчаянья, какого-то страстнаго, безсильнаго, безпощаднаго одиночества.

Работалъ Палевскій около двухъ часовъ и не замѣтилъ, какъ быстро промелькнуло время. Онъ наверстывалъ прошлые дни.

И вдругъ услышалъ:

— Я не могу больше... устала...

Палевскій смущился...

— Да не браните вы себя, пожалуйста... Развѣ я не понимаю, что вы увлечены работой.

Маріонъ подошла къ скульптору и задумалась.

— Какъ у васъ хорошо выходитъ,—медленно сказала она,—вотъ я стою теперь передъ своимъ же изображеніемъ и вижу...—да, вы правы были, когда просили меня позировать... вы достигли желаемаго. Вы точно похитили часть меня... Я даже чувствую теперь, что изъ меня что-то ушло, перевоплотилось сюда... Скоро я... умру. А вотъ „Душа Маріонъ“ будетъ жить въ глинѣ. Потомъ ее перельютъ въ гипсъ или бронзу. Придутъ цѣнители и скажутъ: „какая замѣчательная работа“. Вы будете известны, а я... я буду въ это время... въ землѣ.

Палевскій стоялъ подавленный.

— Зачѣмъ вы такъ говорите, Маріонъ! Вы еще будете долго жить...

Маріонъ взяла его за руку.

— Сегодня я была у доктора, вотъ сейчасъ на бульварѣ Сенъ-Мишель... Онъ...

Палевскій перебилъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы она произнесла слова, ужасныя слова, которыя онъ угадывалъ:

— Ну, скорѣй на солнце, сюда, Маріонъ! Смотрите, какъ грѣются на карнизѣ голуби. При солнцѣ они совсѣмъ не боятся...

— Нѣтъ, ты положительно чудеса творишь, Палевскій!— восторженно говорилъ Зубинъ, любуясь работой скульптора.— Экую вѣдь штуку человѣкъ сочинилъ. Поди жъ ты, а ловко!.. Нѣтъ, это прелесть! Это восторгъ! Какое поразительное сходство, какая сила! Да ты, Палевскій, совершенно правильно назвалъ свою работу—„Душа Маріонъ“. Ты прямо-таки средь бѣла-дня ограбилъ женщину. Душу укралъ... Ха-ха-ха!.. Великолѣпно, чортъ возьми! Ну, батенька, не ожидалъ я отъ тебя такого номерочка. Не ожидалъ...

И Зубинъ даже выругался „крѣпкимъ“ словомъ, не въ силахъ выразить свое восхищеніе. А потомъ набросился на самого себя:

— А я то, дуралей этакій, мимо клада прошелъ. Вѣдь могъ же и я, чортъ возьми, написать съ нея портретъ. Такъ нѣтъ же, вотъ, прозѣвалъ, ворона.

— Вотъ наконецъ-то и на нашей улицѣ праздникъ,—мелькнуло у Палевскаго въ головѣ.—Послѣ Пасхи открывается выставка, „Душа Маріонъ“ будетъ гвоздемъ сезона. Будетъ!..

— Такъ, значитъ, тебѣ нравится?—спросилъ съ улыбкою Палевскій.

— Очень!—произнесъ Зубинъ, любуясь работою товарища.—Очень.—Еще разъ повторилъ онъ и сильно тряхнулъ руку Палевскаго. Потомъ повертелся еще нѣсколько минутъ и ушелъ.

— Какой завтра день?—мелькнуло въ головѣ Палевскаго.—Ахъ, да вѣдь завтра первый день Пасхи!

Палевскій засуетился, и... вдругъ...

Произошло самое ужасное, чего онъ никогда не ожидалъ: одно неосторожное движеніе, подставка закачалась и „Душа Маріонъ“ всей тяжестью свалилась на полъ...

Нагнулся и бережно приподнялъ глиняную массу. Стоя на колѣняхъ, онъ точно сквозь туманъ всматривался въ нее, хотѣлъ бы отбросить отъ себя этотъ комокъ глины, но руки, какъ у слѣпого, щупали знакомыя черты. Какъ страшно...

И когда блѣдный, съ лицомъ, искривленнымъ безмолвнымъ отчаяньемъ, повернулъ статую и взглянулъ, его глаза расширились, какъ у птицы, и онъ негромко вскрикнулъ.

Это было то же самое лицо Маріонъ, но съ рѣзко измѣнившимся выраженіемъ: сплюснувшееся, оно было ужасно. Глаза сузились, въ нихъ была злоба. Уголки губъ, которые были трепетны, какъ у звѣрька, замерли, — это былъ, какъ будто бы жестъ, да, жестъ застывшаго лица. Какая ненависть... и смерть!

Палевский не могъ оторваться. Это лицо было ужасно...
Это она? Она такая? Нѣтъ, нѣтъ!..

Безумными, широко раскрытыми глазами глядѣлъ онъ на лицо второй „Души Маріонъ“. Мгновенное выраженіе этой чудовищной маски было неуловимымъ, какъ призракъ, какъ краткій шопотъ, но яснымъ душъ.

Палевский задыхался, густымъ казался воздухъ, пропитанный точно ароматами ладана, осеннихъ прѣлыхъ листьевъ,—ароматами увяданія, смерти...

Въ ужасѣ кинулся на улицу, безъ пальто, безъ шляпы. На бульварѣ проститутка бросила ему въ лицо горсть апельсинныхъ корокъ. Онъ опомнился, почувствовалъ страшную усталость, прислонился къ афишной тумбѣ и закрылъ глаза... Съ грохотомъ проносились тяжелые экипажи, гудѣли автомобильные рожки и сирены, безпощадно звонилъ трамвай.

— Боже мой, что же это я!—вдругъ пришелъ въ себя Палевский.

По тротуарамъ, живой волной, двигались въ обоихъ направленіяхъ люди. И у всѣхъ праздничныя, суетливыя лица, и у всѣхъ сегодня воскресеніе душъ... Ахъ, проклятые!

Гдѣ-то пробило десять часовъ.

— Черезъ два часа Свѣтлое Воскресеніе,—подумалъ Палевский.—Люди будутъ веселиться, а у меня на душѣ будетъ смятеніе, а въ головѣ угаръ...

И Палевскій безцѣльно, самъ не зная зачѣмъ и куда, побрѣлъ по улицамъ Парижа. Самъ того не замѣчая, онъ очутился у дверей Зубина на лѣстницѣ. Палевскій машинально повернулъ скобку дверей. Дверь отворилась, но въ комнатѣ было темно. Не зажигая огня, сѣлъ онъ на кровать и задремалъ.

Когда Палевскій очнулся, то увидѣлъ предъ собой при свѣтѣ электрической лампочки блѣдное лицо Зубина.

— Тебѣ было дурно... Да, Палевскій?

Палевскій безсмысленно глядѣлъ на Зубина и молчалъ.

— Ну, не надо огорчаться, коллега!—дружески проговорилъ Зубинъ— мало ли въ жизни бываетъ несчастій. Нельзя же все это такъ близко къ сердцу принимать. Ты ее любилъ... Да?

— Кого?—тихо спросилъ скульпторъ— я не понимаю тебя.

— Ну, Маріонъ, конечно...

— Я?.. любилъ... Маріонъ!.. Развѣ ты уже былъ у меня?..

— Нѣтъ, но я...

— Такъ откуда же ты знаешь!

— Ты про что?

— Я про свою работу.

— А-а! Ну, а я относительно смерти Маріонъ... Вотъ бѣдняжка.

— Что?.. Что ты сказалъ? Какая смерть!..

Палевскій сразу очнулся, привскочилъ.

Нѣсколько минутъ спустя онъ узналъ, что да, приблизительно въ тотъ самый часъ, когда онъ уронилъ „Душу Маріонъ“ на полъ, сама Маріонъ умерла...

Палевскій продолжалъ работать...

Но онъ лѣпилъ не прежнюю Маріонъ, а ту, вторую.

Черезъ три недѣли на художественной выставкѣ всеобщее вниманіе обратила на себя работа дотолѣ малоизвѣстнаго польского скульптора Палевскаго.

Это была „Душа Маріонъ“.

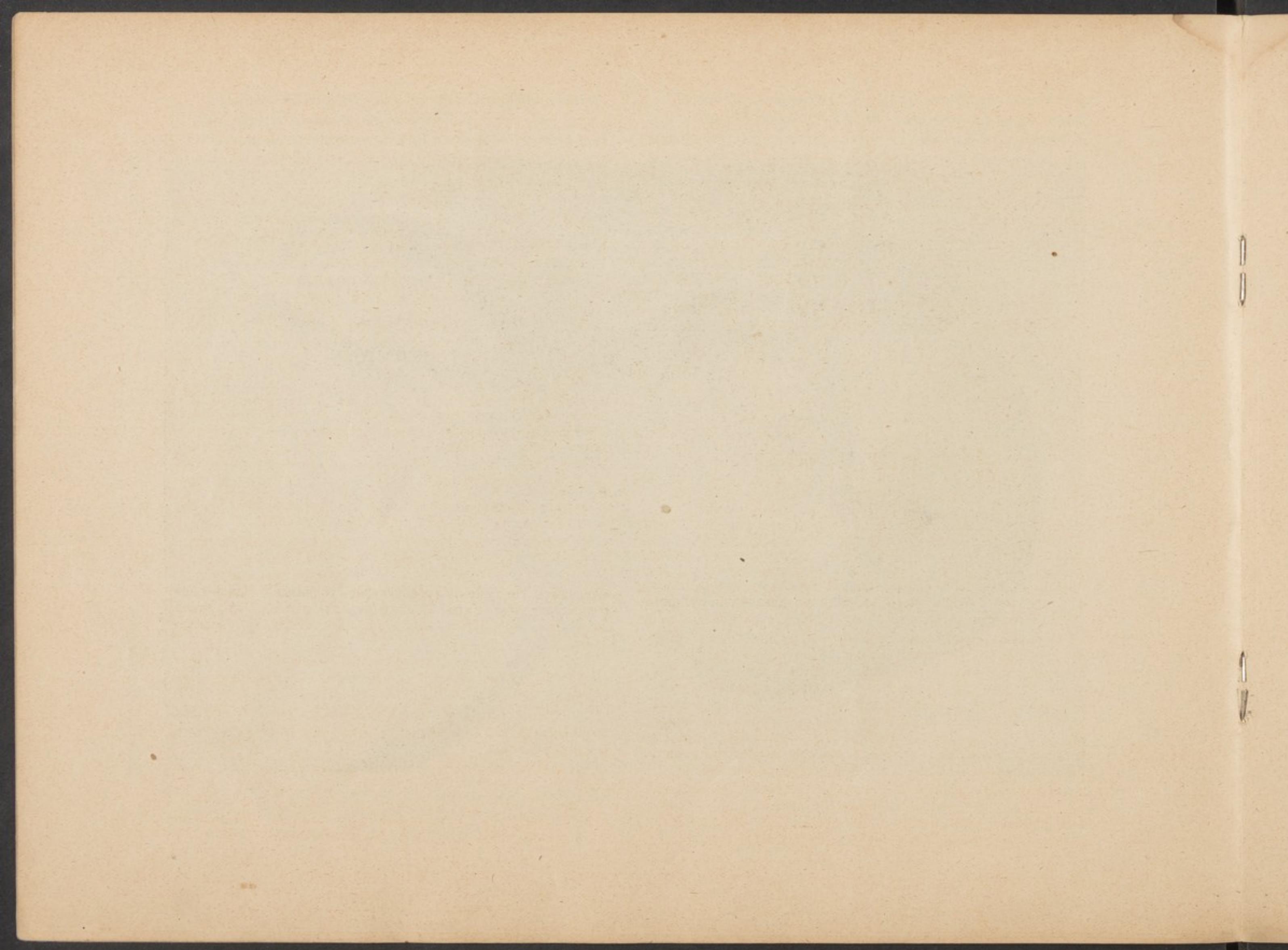
Но кто-то изъ членовъ жюри переименовалъ ее въ „Рокъ“.

Александръ Балагинъ.

РНС. САНГИНОЙ

Імоджір Стендмакій.

Лариса Рейнеръ.

Смѣхъ.

День первый свободы. На звонкія плиты
Послѣдними пали, сражаясь гоплиты.
Желѣзной породы, ни гибкихъ ударовъ,
Ни грохота мстительно-бѣглыхъ пожаровъ
Они не страшились. Но блѣдная Слава,
Ликуя, сошла съ высоты архитрава...
И судьбы свершились, въ отвагѣ звѣриной
Сомкнулись плебеи гремучей лавиной.

Потомъ разомкнулись, какъ волны отлива—
За ними молчала багряная нива.
И въ бѣлый Акрополь, неловокъ и пылокъ,
Назадъ опрокинувъ кудрявый затылокъ,
Вступилъ Гипполей.

Крылатаго смѣха божокъ золоченный
Ты первый вернулся въ нашъ городъ сожженный.
Умножило эхо раба—конкубина,
Сжигавшая домъ своего господина,
Смѣялась гетера; впервые бѣлѣло
Подъ сводомъ отвѣснымъ—свободное тѣло...

Я. Любяръ.

Дорога всѣхъ скорбящихъ.

(Изъ книги „Одинъ среди людей“).

Была одна дорога на Капри, которая навѣвала грусть и большую любовь къ людямъ. На ней, гладкой и тѣнистой, бѣгущей подъ откосомъ, подъ бѣлой стѣнной садовъ, всегда гуляли, кроме случайныхъ людей и тѣхъ туристовъ, что прїѣхали недавно, больные. Правда, по воскресеніямъ здѣсь флантировалъ рабочій людъ, одѣтый по праздничному, чинный, добродѣтельный, веселый и немного вульгарный.

Больные ходили здѣсь потому, что дорога была близко отъ города и неутомительна; потому, что разные густые деревья, каштаны, пальмы и даже австралійские каузарино и эвкалипты, перевитые плющемъ и свисающіе изъ-за оградъ, очаровывали тѣнью; потому, что все время были видны танцующая лазурь моря, старый монастырь внизу, въ долинѣ и замокъ Кастильонѣ на задолинной горѣ; а концомъ дороги были прямые приморскіе отвѣсы и видъ на скалы Faraglioni. Тутъ-же было маленькое кафе.

Въ хорошее солнце, когда краски вблизи пламенѣютъ, а вдали мечтаютъ, здѣсь ползетъ по песку самое большое, искалѣченное, еле-дышащее, дряхлое человѣчество и молча, безсильно, любовно созерцаєтъ дальняя пропасти, по кото-

рымъ безшабашные юнцы могутъ взбираться съ веревками, альпійскими палками и въ сапогахъ съ гвоздями. Тогда я, наблюдалъ это множество туберкулезныхъ, неврастениковъ, ревматиковъ, подагриковъ, табетиковъ, сердечно-больныхъ, страдающихъ одышкой и ожиреніемъ,— я называлъ ихъ „людьми въ этомъ мірѣ“.

Я изучилъ лица больныхъ, я зналъ ихъ всѣхъ и догадывался объ ихъ болѣзняхъ и національности.

Я любилъ многихъ изъ нихъ и, выходя утромъ изъ дому (я долженъ былъ идти въ городъ по этой дорогѣ), я думалъ: встрѣчу-ли я сегодня тѣхъ-то и тѣхъ-то и какъ они будутъ, выглядѣть. Не хуже-ли туберкулезной голландкѣ? Какой у нея будетъ оттѣнокъ лица? Я даже думалъ о томъ, въ какой позѣ я ихъ встрѣчу и мысленно дѣлалъ эскизы карандашемъ...

Но прежде всего я встрѣчалъ Дженарино и Маколателлу, брата и сестру, всегда попрошайничавшихъ на дорогѣ.

— Сольди, синьоръ, сольди! Для моей матери, которая больна!—кричали они изъ-за забора своего домика, чуть они замѣчали меня.

Я давалъ имъ сольди, хотя я зналъ, что ихъ мать здорова.

Дженарино и Маколателла ходили въ отрепьяхъ и смуглые и грязные, были чернѣе трубочистовъ. Дженарино было 9 лѣтъ, но онъ былъ уже негодяемъ: онъ краль

фрукты, безбожно надоѣдалъ и лгалъ прохожимъ, выманивая у нихъ состраданіе.

Онъ неотвязно клянчилъ, нылъ, ходилъ на рукахъ, и, если все это не помогало, дѣлался заносчивымъ и наглымъ, и, отбѣжавъ, бросалъ синьору въ спину камни. Маколателла рабски дѣлала то-же, что онъ. Если Дженарино вралъ о своей больной матери, о томъ, какъ у нихъ подохъ „послѣдний муль”, о томъ, что онъ „кушать хочетъ”, что его отецъ уѣхалъ въ Аргентину и о семье некому заботиться, то Маколателла, прелестное растрепанное четырехлѣтнее существо съ огромными глазами, всегда сопливымъ носикомъ и пальцами въ слюнкахъ, смѣло и твердо лгала за нимъ, выговаривая р какъ л. Если Дженарино швырялся камнями, то она тоже, какъ маленькое животное, царапала песокъ, выворачивая булыжникъ и, кинувъ его на аршинъ отъ себя, улепетывала изо всѣхъ силъ на своихъ голыхъ, четырехлѣтнихъ ножкахъ. Брать обращался съ ней деспотически; онъ рвалъ ей уши и волосы, но она только кротко глядѣла, показывала слезинки и чувствовала конфузъ за свои промахи.

Дженарино обложилъ меня ежедневной податью въ два сольди, и я платилъ ее съ радостью, но никогда не видаль благодарности отъ этихъ веселыхъ уличныхъ бандитовъ. Они могли льстить, и пѣть, и кувыркаться по полу-часу, но, получивъ деньги, съ наивной откровенностью немедленно, тотчасъ же, сю же минуту бросали меня и, распѣвавая неприличныя пѣсни, значенія которыхъ Маколателла не понимала, прыгали въ лавочку за сластями. О, мои милые, черноволосыя дряни!

Я научилъ ихъ даже одному пріему попрошайничества. Живой и черноглазый Дженарино напоминалъ мнѣ Тома Соуэра, и я посовѣтовалъ ему выпрашивать у англичанокъ деньги во имя героя Марка Твэна. Онъ такъ и сталъ дѣлать, шельма! И англичанки хохотали до упаду и всегда давали ему больше обыкновенного. А Дженарино улыбался своей дѣтской, умышленно-сконфуженной, гордой, лукавой, но уже жестокой, нехорошой улыбкой.

Если я выходилъ въ 10 утра, то на третьей скамейкѣ я видѣлъ туберкулезную голландку. А если въ 11, то она сидѣла уже на концѣ дороги, такъ какъ за часъ она проходила шаговъ триста,—разстояніе между тремя скамейками.

У нея было бѣлое, какъ полотно, лицо и безразличные ласковые глаза, потому что она была уже близка къ смерти. Когда она садилась на скамью, то на ея лицѣ вспыхивала

внезапная радость отдыха отъ той сотни шаговъ, которую она сдѣлала съ такимъ трудомъ; и она погружалась почти въ трансъ, чуткій и безсмысленный.

Она глядѣла на море и иногда вдыхала свѣжесть, причемъ прислушивалась къ тому, какъ струя воздуха, живительная и чистая, какъ вода, проходитъ въ ея изгрызанныя легкія. Она не была красива; у нея было, хотя и исхудавшее, но круглое по формѣ лицо, отдававшее деревней; ни волосы, ни глаза, ни станъ, не были замѣчательны; она одѣвалась очень аккуратно, въ крахмальное бѣлье, но просто, мнѣ хочется сказать, какъ покойница. Она ходила всегда во всемъ темно-синемъ, что было странно, такъ какъ здѣсь женщины по большей части носятъ бѣлое или розовое, или голубое, и только старухи и вдовы—черное. А ей было лѣтъ двадцать, да, не больше...

Когда она сидѣла, такъ бевольно, такъ долго, такъ недвижно, то всѣ, кто ни проходилъ мимо и видѣлъ ея восковое лицо и заострившійся носъ, понимали, что эта женщина скоро умретъ, и я думаю, рѣдки были такие, что на мигъ не хотѣли-бы тихо поласкать ей руку и не жалѣли-бы, что этого почему-то нельзя дѣлать. На ея лицѣ была написана такая нежизненная и такая подлинная чистота.

У старого, полнаго и короткаго поляка съ бравымъ, краснымъ лицомъ, бѣлыми, какъ снѣгъ, усами и бритымъ въ щетину подбородкомъ было плохое сердце. Онъ шелъ по дорогѣ, фыркая, какъ моржъ, и много смѣялся всему окружающему, съ добродушіемъ неглупаго человѣка, уже давно махнувшаго на все рукой.

По цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ въ кафѣ, любя по старчески растегнуть жилетъ и выпустить наружу большое брюхо, закрытое бѣлой рубахой. Этотъ человѣкъ любилъ жить, по моему, онъ охотно разговаривалъ и, если не было собесѣдника, шутилъ со своимъ бульдогомъ, недовольнымъ, лѣнивымъ, ворчливымъ, какъ старый, жирный бюрократъ или швейцарь. Этотъ кривоногій бульдогъ съ отвислыми щеками назывался Бисмаркомъ.

Стариканъ любилъ жить, и, если съ нимъ поговорить, его лицо будетъ очень живо мѣняться въ зависимости отъ темы: о женщинахъ онъ говоритъ, хе—хе, какъ лукаво, зная, гдѣ тутъ зарыта собака; о Польшѣ—съ кичливымъ пaeосомъ; съ привычной серъезной грустью обѣ угасшей юности онъ будетъ говорить о возстаніи 1860 года, въ

которомъ участвовалъ и онъ; и всегда онъ будетъ отмѣнно вѣжливъ и бравъ въ сужденіяхъ.

Онъ зналъ, что онъ дотягиваетъ послѣдніе деньки и, какъ старый и одинокій умница, любилъ крѣпко подсолить остроту въ сторону кладбища, но онъ заботился въ то же время о жизни. Онъ не пилъ кофѣ, чая, вина; онъ пилъ только лимонадъ. Я думаю, дѣлалъ это онъ по привычкѣ и по любви къ благоразумію, потому что я хорошо видѣлъ, что и жизнь онъ любить по прежней привычкѣ, не болѣе того.

— „Обманывайте женщинъ, молодой человѣкъ“, говорилъ онъ мнѣ, тяжело дыша и тонко лукавясь лицомъ,— „обманывайте паненокъ. И мѣняйте ихъ. Только бигось хорошъ подогрѣтымъ... А женщины—единственное счастье на этой грустной землѣ, повѣрьте старому человѣку“...

Онъ любилъ афоризмы, изобличавшіе его пониманіе, его образованность, его философское „сверху“. Онъ говорилъ: „только женщина умѣетъ граціозно совмѣщать въ себѣ всѣ противорѣчія“, или „женщина любить религію не за истинность, а за уютность“... Но онъ повторялся иногда, бѣдняга, и не замѣчалъ этого.

Былъ мальчикъ, котораго еозилъ въ креслахъ угрюмый и неопрятный лакей, бритый стариkъ съ толстымъ, горбатымъ и краснымъ носомъ. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ, худой, какъ щепка, въ синей матросской курточкѣ говорилъ слабымъ голосомъ, указывая на что-нибудь, на цвѣты, собаку, на книжку, Робинзона или Вальтера Скотта, которую онъ держалъ на колѣняхъ. Его ноги были закрыты плѣдомъ, и двѣ худенькия прозрачныя рученки безсильно лежали на немъ, какъ плети. Его чуткіе глаза, глаза большого ребенка, оживлялись, загорались, когда къ коляскѣ подходила хорошо-одѣтая, шумящая шелкомъ дама, навѣрно его мать, женщина съ постоянно дергавшимися лицомъ и руками.

Это были итальянцы съ сѣвера.

Улыбкой этой „дороги всѣхъ скорбящихъ“ были двѣ старушки-американки, похожія другъ на друга, какъ два маковыхъ зернышка, и гулявшія здѣсь аккуратно каждый день отъ 9 до 12, до обѣда. Онѣ казались мнѣ смѣющимися фарфоровыми статуэтками, такія онѣ были чистенькия и гладенькия и старинныя. Розовые, степенные, всегда улыбающіяся, въ свѣтлыхъ капорахъ, онѣ медленно переставляли ноги и разливали взглядами что-то старческое, весе-

лое, давно оправдавшее всю жизнь, съ ея таинственнымъ Богомъ, несчастными людьми и необходимостью будней. Выходя изъ отеля, обѣ старушки-мистриссы накупали шеколаду и раздавали его встрѣчнымъ мальчуганамъ; потомъ онѣ садились на лавку и любовались букашками, моремъ и прохожими, зная, что на свѣтѣ ничего другого и не надо и нельзя дѣлать.

Какъ онѣ жили? Онѣ все любили, конечно: и кофѣ, который имъ, собственно говоря, не слѣдовало пить, и то, что онѣ все дѣлаютъ по часамъ, и свои черные платья, и на колки, и броши съ камеями, и день, и ночь, и жизнь, и смерть. Но какъ онѣ любили солнце! Ихъ старое тѣло оживало подъ нимъ и онѣ, комично бодрясь, шагали по горячимъ плитамъ мостовой, и шутили другъ надъ другомъ самыи нѣжныи, деликатныи и веселыи образомъ.

Одинъ разъ я видѣлъ на этой солнечной дорогѣ припадокъ падучей болѣзни у какого-то человѣка. Стояла небольшая толпа. Молча. Я легко раздвинулъ ее.

Въ пыли, что-то билось подъ простыней. Большого накрыли простыней, чтобы люди не пугались его отвратительныхъ и безумныхъ судорогъ и искаженій лица.

Онъ бился и затихалъ, и снова начиналъ дрыгать руками и ногами; когда простыня сползала и высовывались сапогъ или скрюченные пальцы, то кто-нибудь осторожно, какъ-бы священно-дѣйствуя, натаскивалъ ее снова.

Какой-то хотѣлъ помочь больному тѣмъ, чтобы держать его, не позволяя ему биться. Но ему не дали.

— „Нельзя трогать людей, когда они въ падучей“, сказаль серьезно бравый полякъ, который былъ тутъ же.

Да, это совершенно вѣрно. Нельзя трогать людей, когда они въ падучей...

Людей нельзя трогать. И имъ нельзя помогать, потому что... кажется, это невозможно?

Я. Любяръ.

Никита Жуковъ.

Рыцари духа.

Говорятъ о геніяхъ и толпѣ. И очень ругаютъ толпу. И тупая она, и косная, и злая. Не одинъ поэтъ падалъ въ ужасѣ, разбивъ лобъ о непроходимую стѣнку глупости, проклиная толпу, подъ ея улюлюканье и площадную ругань. Отсюда установилась даже теорія, которую во всѣхъ школахъ проходятъ со ссылками на Пушкина и Лермонтова. Помните?

И очень легко, какъ это уже сдѣлалъ Пушкинъ, отождествить и „толпу“, и „народъ“, и „презрѣнную чернь“. И получается картина, будто съ одной стороны стоитъ на по діумѣ, покрытомъ краснымъ сукномъ, поэтъ, а съ другой—дѣйствительно бороды и овчины, платочки и фуражки съ козырькомъ.

Но это, конечно, невѣрно. И если-бы только „поэтъ“ могъ попасть туда къ нимъ, къ синимъ блузамъ Уэльса, къ живымъ маливинскимъ бабамъ и подлинному народу въ косовороткѣ—о, какъ бы онъ былъ счастливъ! Ибо нигдѣ такъ не слушаютъ, такъ не смотрятъ, такъ не радуются.

Напрасно Горькій описалъ чудо, народомъ творимое на зеленой лужайкѣ, гдѣ богомольцы подъ иконами и хоругвями исцѣлили дѣвочку силою вѣры своей. Большее чудо тамъ, гдѣ случайно до народа дошедшій талантъ внезапно въ немъ пробуждаетъ великія возможности и, какъ гигантская золова арфа, вдругъ зашумитъ народная душа звономъ и переливами пробужденного лѣса.

У народа нѣть еще тонкой стальной чешуи, которая лежитъ у насъ на каждой косточкѣ, на каждомъ нервѣ, на каждомъ мускулѣ. Онъ, правда, въ твердой каменной или чугунной скорлупѣ, но такъ, какъ вода налита въ чашу: наклоните ее—и она польется! И когда много этой „черни“, она, какъ море въ гранитныхъ берегахъ, волнуется и блещетъ, и кипитъ.

Жалко мнѣ поэтому не „черни“, не „толпы“, а жаль художниковъ, которые отрѣзаны своими редакторами и парами отъ единственной аудиторіи, способной ихъ понять и отвѣтить, ибо тамъ еще не потеряли дивной способности удивляться. Народъ и художникъ съ этой стороны конгениальны...

Не народъ, а почтеннѣйшая публика, милостивыя государыни и милостивые государи, просвѣщенное общество,

господа интеллигенты. Вотъ гдѣ надо поискать разгадки отношенія генія и толпы, гдѣ роится истинная чернь и строится мягкая и тупая стѣнка изъ спинъ и затылковъ.

Господа интеллигенты, не угодно-ли?

Но я начну съ диэирамба.

Вотъ передъ нами особая порода людей, духу причастныхъ, духомъ питаемыхъ и духъ издающихъ. Въ Россіи ихъ сразу можно узнать потому, что у каждого изъ нихъ прицѣпленъ вензелекъ, птичка или крестикъ, по которому сразу видно, что они помазаны: одинъ отъ латинской грамматики, другой отъ дважды два четыре, а третій отъ акушерства. И, главное, никто ихъ не принуждаетъ носить эти значки. Боятся, чтобы не смѣшили.

На нихъ лежитъ печать посланичества. Имъ однимъ среди моря безграмотныхъ дарована привилегія грамоты. Они обладаютъ дворянствомъ свѣта среди царства тьмы. Съ великимъ напряженіемъ отъ скучныхъ запасовъ своихъ вскормила ихъ родина и поручила три дѣла: береженія, приспособленія и творчества.

Нельзя сказать, чтобы первое дѣло не дѣлалось. Даже совсѣмъ напротивъ. Весьма много дѣлается. Всѣ культурные сокровища заботливо перетираются и ставятся въ шкафу на полкахъ. Вотъ здѣсь гипсовый Зевсъ съ кудерками, здѣсь граммофонъ съ пластинками, въ углу уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, а на гвоздикѣ права человѣка и гражданина.

Все записано въ каталоги, занумеровано и приведено въ системы. И открыто для широкаго пользованія публики. Выдается на домъ для соотвѣтственнаго употребленія. Но строго запрещается самовольно портить, дѣлать помарки или измѣненія. Ибо—общественное добро.

Такимъ чиновникамъ духа, капитенармусамъ культурнаго цейхгауза—для ихъ общественнаго служенія немного нужно. Это—исполнители. Вмѣсто лица у нихъ маска. На винтахъ руки и ноги. Все скрѣпляетъ общественный мундиръ. Въ головѣ начинка по урочному положенію узаконеннаго качества и силы. Ходятъ взводами по командѣ.

И пусть не думаетъ читатель, что это исключительно бюрократы, человѣки въ вицъ-мундирныхъ футлярахъ. Боже сохрани! Мы вовсе не проводимъ разницы между интеллигентомъ межевого вѣдомства и чиновникомъ литературной команды.

Важна не принадлежность, а качество. И если идетъ передъ нами, скажемъ, интеллигентскій гарнизонъ подъ со-

циалистическимъ знаменемъ и всю мысль устремляетъ исключительно на вытягивание носковъ по Марксу, то чѣмъ-же онъ отличается отъ зеленої гвардіи вѣдомства казенныхъ управлений!

Мы думаемъ—ничѣмъ.

И, по правдѣ сказать, они необходимы, эти рядовые духа. Все зависитъ отъ обстановки, въ которой приходится действовать и жить. Вѣдь нельзя-же палочкой обрабатывать булыжникъ, или ложечкой вычерпывать прудъ. На перево можно воздѣйствовать только желѣзомъ.

Когда-же передъ вами текучая масса народной жизни, полу-дикарской, загадочной, съ неизвѣстной глубиной и про-валами, какъ проведете вы ее черезъ этапы исторіи, если не набьете свай, не свяжете цѣпями, не наколотите гвоздей въ мало-мальски подходящее мѣсто?

Интеллигентъ-исполнитель и есть тотъ молотокъ, которымъ по требованію жизни, наколачивается форма на то или другое временное ея обнаружение. Думать ему не надо. Его натаскиваютъ. Рабъ по природѣ, онъ съ фанатизмомъ тупости воспринимаетъ обрывокъ истины, лоскутокъ красоты. И, какъ навязчивая идея, властно живетъ она въ его убогой головѣ. И стучитъ, и стучитъ.

Трогательныхъ формъ достигаетъ порою вѣрность такого унтера духа. Не зная цѣнности забытой у него въ головѣ крохотной мысли, онъ, окружая ея увядшіе остатки энтузіазмомъ благоговѣнія, ненужной буквѣ приносить въ жертву самую жизнь. До послѣдней капли—за двуперстіе, за запятую, за Деисуса.

Милый, милый дворникъ идеи, самоотверженно думающій о томъ, какъ бы лишнимъ движеніемъ не спугнуть маленькаго уродца, такъ комфорtabельно расположившагося въ головѣ и сердцѣ, какъ бы не нарушить строжайшаго этикета и чинопочитанія съ точки зрѣнія ортодоксальнѣйшей твердо-каменности, точнѣйшаго выполненія литературнаго или партійнаго циркуляра!

Но бойтесь вы этихъ илотовъ интеллигенціи, когда они плотной массой усядутся на успокоеніи, на замиреніи, на порядкѣ. Они страшны тѣмъ, эти автоматы со слѣпыми глазами, что не замѣтятъ, какъ у нихъ подъ ногами станетъ перекатываться живое человѣческое тѣло. Съ добровольственностью убѣжденія будутъ они заколачивать большого человѣка въ коробку для пятилѣтняго младенца. И совершенно искренно будутъ истреблять мухъ на головѣ, мозга и раздавливая черепъ.

Святые идіоты. Ихъ создала наша цивилизація, которая продавливаетъ всю нашу общественную жизнь сквозь Кавдинскія ущелья нетерпимости и формализма, вытягиваетъ ее на ложѣ Прокруста, зажимаетъ въ желѣзное чрево раскаленной Дѣвы. Они—Магницкіе и Торквемады, нѣмые винты жестокой формы. О нихъ сказалъ одинъ современный ученьй:

— Возьмите драбантовъ на конюшню.
Но идейное насилие еще живетъ!

Надъ деревянной арміей тупоголовыхъ подымается болѣе чистая публика. Здѣсь уже не полуинтеллигенты, а настоящіе профессіоналы. Выглядятъ они настолько интеллигентно, что лишь въ исключительныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ ношенію форменного костюма: длинныхъ волосъ, широкополой шляпы, плѣда и грязныхъ воротниковъ. Тутъ есть уже признаки лица.

Въ ихъ распоряженіи громадный матеріалъ, мастерскія и лавки. Везутъ и получаютъ прямо съ каменоломенъ самонѣтные камни, изъ тропиковъ нѣжнѣйшіе цвѣты, со дна океана чудныхъ и странныхъ звѣрей. Ловя брошенные съ высотъ солнечные лучи, раскрываютъ посылки съ безумными грезами, проектами, идеями, формами.

И во главѣ интеллигентовъ—господинъ хозяинъ, купецъ первой гильдіи Епишкинъ. Поглядываетъ, посматриваетъ, покрикиваетъ. И суетится цѣлая армія интеллигентовъ: закройщиковъ, шлифовщиковъ, дегустаторовъ, аптекарей и упаковщиковъ. Разбираютъ товаръ, сортируютъ, передѣзываютъ. Тутъ-же контора для оплаты, отдѣленіе для рекламы, мусорная печь для сожиганія и салотопенный заводъ.

Работаютъ надъ духомъ. Ибо у публики свои запросы. И если вы не дадите ей товару по мѣрѣ, по вкусу, по требованію, то ничего и не выйдетъ. Сегодня, знаете, нужно красненькое съ рисуночкомъ гильотины, а завтра бѣленѣкое съ позолотой. Сегодня мужичка подъ кислымъ соусомъ, а завтра гимнастику Далькроза. Не угодно-ли, угодить по-чтеннѣйшей.

Работы много. А тутъ еще съ поставщиками бѣда. Одинъ занятъ безсмертіемъ души, другой переселился въ 22-й вѣкъ, третій изобрѣлъ никому ненужные крылья. Не успѣли распродать прошлогодняго запаса, глядишь—несется со звономъ и трескомъ со своего возлюбленного Парнаса: солнце поймалъ, молнию въ машину заперъ, камень оживилъ, правду нашелъ.

Жалуется Епишкинъ. И онъ правъ. Капризная публика, сумасшедшия поставщики. Но молодцы интеллигенты не выдадутъ. Ножницами, клеемъ, горячимъ и холоднымъ парамъ, гдѣ не хватить алмазовъ—стекла, гдѣ не достанеть золота—сусальнымъ. Слишкомъ горячее можно пробрать водицей, угловатое пообрѣзать, яркое подтушевать. По желудку, по вкусу почтеннѣйшей.

Есть для этого и особые таланты компилаторовъ, популяризаторовъ, истолкователей, фальсификаторовъ, приспособителей. Немножко тутъ, немножко тамъ. Даже красиво получается. Пусть творецъ испытываетъ нечеловѣческія муки при видѣ того, какъ медленно умираетъ дитя его подъ ножомъ комментатора, талантливаго виртуоза сцены или палитра.

Что до того, вѣдь вы слышите какъ жуетъ почтеннѣйшая? Какъ она самодовольно посапываетъ? Слышите—и успокойтесь. Твореніе попало по назначению. Творцу же Епишкинъ заплатить.

Теперь мы знаемъ, какъ создается „толпа“, та, которую проклиналъ и Лермонтовъ, и Пушкинъ. Она идетъ изъ большихъ и малыхъ квартиръ съ заломъ, гостинной, столовой и кабинетомъ. Она зарабатываетъ, торгуется, продаетъ и продается. Она завтракаетъ, обѣдаетъ и ужинаетъ. Женится, имѣетъ не болѣе двухъ дѣтей, посѣщаетъ „Кричевое зеркало“ и циркъ Чинизелли, слушаетъ Гофмана и Шаляпина.

Эта толпа почитаетъ мертвыхъ и блюдетъ авторитеты. Она чтитъ героевъ и кладетъ копѣйку для вдовъ и сиротъ. Всѣ живутъ, какъ всѣ. Одѣты не только наружно, но и внутренно. Питаются «Рѣчью» и «Новымъ Временемъ», Андреевымъ и Горкимъ, Сологубомъ и Арцыбашевымъ, Рерихомъ и футуристами.

На лбу свѣтовая реклама, на ногахъ патентованныя башмаки... И, Боже, почему такой стужей отдастъ отъ этихъ добродушныхъ людей, такой сѣрый туманъ расходится отъ нихъ длинными, тонкими нитями, и такъ страшно похожи они одинъ на другого, одинъ на другого.

Словно на игрушечной шарманкѣ прячутся и выходятъ изъ ящичка все одни и тѣ-же пѣтушки и солдатики, съ однимъ и тѣмъ-же лицомъ, чистеньkimъ мундирчикомъ. И уходятъ, и прячутся, и опять дѣлаютъ свой кругъ, а перышки цѣпляются за струнки и вертится: ти-ти-та, ти-ти-та!

И видите вы, выходятъ медленно изъ земли квадратные камни и ползетъ булыжная мостовая, и стынутъ ту-

ремные стѣны, и смыкаетъ въ просвѣтахъ свои звенья желѣзная рѣшетка. А рядомъ шуршитъ фабрика духа и длинные листы мертвой мысли покрываютъ землю. Брр... Холодно. И одиноко.

Вы видите теперь разницу между публикой и народомъ. Народъ дикъ, а публика вся на каркасахъ. Въ народѣ дитя или звѣрь, въ милостивомъ государѣ поджаренный или переваренный духъ. Первый голоденъ, грубъ и грязенъ, второй сѣть, вымытъ и деликатенъ.

И онъ все видѣтъ и все знаетъ. Онъ устойчивъ и положителенъ. Твердо идетъ среди звѣздъ и молекулъ. Стоитъ разъ на всегда принятомъ. Имѣеть рецептъ на всякой случай жизни и не только хороший тонъ для примѣненій, но и руководство по свободѣ, равенству и братству.

Хорошо работаютъ фабрики духа. И уже повѣрьте, если даже появится сверхъ-Пушкинъ, сверхъ-Бетховенъ или сверхъ-Анджелло, то пока его не позолотятъ и не обрѣжутъ на фабрикѣ, и не вынесутъ распивочно и на выносъ на биржѣ, ни одинъ порядочный человѣкъ на него не обратитъ ни малѣйшаго вниманія.

Вы гдѣ одѣваетесь? У Арабажина.

А я, знаете, недурненъкій костюмчикъ пріобрѣль у Вербицкой!

Но среди разумныхъ живутъ и безумцы. И, что хуже всего, безумцы крайне необходимы, ибо это тѣ интеллигенты—изобрѣтатели, выдумщики, творцы и писатели, безъ которыхъ не обойдешься. И какъ ни тяжело имѣть дѣло съ этими опасными и странными людьми, но только у нихъ въ случаѣ надобности можно получить то геніальное сырье, которое потомъ перерабатываютъ фабрики духа.

Но съ такими непріятностями нечего считаться. Развѣ въ поискахъ золота и слоновой кости не приходится имѣть дѣло съ неграми, тиграми и желтой лихорадкой, развѣ для добычи хорошей жемчужины не станутъ єздить въ Малайскій архипелагъ къ людоѣдамъ? Что дѣлать,—издержки и опасности производства!

Самое практическое было-бы какъ-нибудь одомашнить господъ творцовъ и устроить при каждой хорошей фабрикѣ духа своего рода загонъ для геніевъ и талантовъ, ученыхъ и художниковъ, поэтовъ и музыкантовъ. На манеръ домашнихъ страусовъ или мериносовъ.

И опытъ былъ сдѣланъ. Не разъ устраивались для нихъ закрытые заведенія съ пенсіями, чинами, орденами, тихой и мирной жизнью. Сиди и работай. Но, къ сожалѣнію, опытъ

PHC. САНГИНОЙ.

Людомиръ Стендзинскій.

2

1297

1298

1299

1300

1301

1302

1303

1304

1305

1306

1307

1308

1309

1310

1311

1312

1313

1314

1315

1316

1317

1318

1319

1320

1321

1322

1323

1324

1325

1326

1327

1328

1329

1330

1331

1332

1333

1334

1335

1336

1337

1338

1339

1340

1341

1342

1343

1344

1345

1346

1347

1348

1349

1350

1351

1352

1353

1354

1355

1356

1357

1358

1359

1360

1361

1362

1363

1364

1365

1366

1367

1368

1369

1370

1371

1372

1373

1374

1375

1376

1377

1378

1379

1380

1381

1382

1383

1384

1385

1386

1387

1388

1389

1390

1391

1392

1393

1394

1395

1396

1397

1398

1399

1400

1401

1402

1403

1404

1405

1406

1407

1408

1409

1410

1411

1412

1413

1414

1415

1416

1417

1418

1419

1420

1421

1422

1423

1424

1425

1426

1427

1428

1429

1430

1431

1432

1433

1434

1435

1436

1437

1438

1439

1440

1441

1442

1443

1444

1445

1446

1447

1448

1449

1450

1451

1452

1453

1454

1455

1456

1457

1458

1459

1460

1461

1462

1463

1464

1465

1466

1467

1468

1469

1470

1471

1472

1473

1474

1475

1476

1477

1478

1479

1480

1481

1482

1483

1484

1485

1486

1487

1488

1489

1490

1491

1492

1493

1494

1495

1496

1497

1498

1499

1500

1501

1502

1503

1504

1505

1506

1507

1508

1509

1510

1511

1512

1513

1514

1515

1516

1517

1518

1519

1520

1521

1522

1523

1524

1525

1526

1527

1528

1529

1530

1531

1532

1533

1534

1535

1536

1537

1538

1539

1540

1541

1542

1543

1544

1545

1546

1547

1548

1549

1550

1551

1552

1553

1554

1555

1556

1557

1558

1559

1560

1561

1562

1563

1564

1565

1566

1567

1568

1569

1570

1571

1572

1573

1574

1575

1576

1577

1578

1579

1580

1581

1582

1583

1584

1585

1586

1587

1588

1589

1590

1591

1592

1593

1594

1595

1596

1597

1598

1599

1600

1601

1602

1603

1604

1605

1606

1607

1608

1609

1610

1611

1612

1613

1614

1615

1616

1617

1618

1619

1620

1621

1622

1623

1624

1625

1626

1627

1628

1629

1630

1631

1632

1633

1634

1635

1636

1637

1638

1639

1640

1641

1642

1643

1644

1645

1646

1647

1648

1649

1650

1651

1652

1653

1654

1655

1656

1657

1658

1659

1660

1661

1662

1663

1664

1665

1666

1667

1668

1669

1670

1671

1672

1673

1674

1675

1676

1677

1678

1679

1680

1681

1682

1683

1684

1685

1686

1687

1688

1689

1690

1691

1692

1693

1694

1695

1696

1697

1698

1699

1700

1701

1702

1703

1704

1705

1706

1707

1708

1709

1710

1711

1712

1713

1714

1715

1716

1717

1718

1719

1720

1721

1722

1723

1724

1725

1726

1727

1728

1729

1730

1731

1732

1733

1734

1735

1736

1737

1738

1739

1740

1741

1742

1743

1744

1745

1746

1747

1748

1749

1750

1751

1752

1753

1754

1755

1756

1757

1758

1759

1760

1761

1762

1763

1764

1765

1766

1767

1768

1769

1770

1771

1772

1773

1774

1775

1776

1777

1778

1779

1780

1781

1782

1783

1784

1785

1786

1787

1788

1789

1790

1791

1792

1793

1794

1795

1796

1797

1798

1799

1800

1801

1802

1803

1804

1805

1806

1807

1808

1809

1810

1811

1812

1813

1814

1815

1816

1817

1818

1819

1820

1821

1822

1823

1824

1825

1826

1827

1828

1829

1830

1831

1832

1833

1834

1835

1836

1837

1838

1839

1840

1841

1842

1843

1844

1845

1846

1847

1848

1849

1850

1851

1852

1853

1854

1855

1856

1857

1858

1859

1860

1861

1862

1863

1864

1865

1866

1867

1868

1869

1870

1871

1872

1873

1874

1875

1876

1877

1878

1879

1880

1881

1882

1883

1884

1885

1886

1887

1888

1889

1890

1891

1892

1893

1894

1895

1896

1897

1898

1899

1900

1901

1902

1903

1904

1905

1906

1907

1908

1909

1910

1911

1912

1913

1914

1915

1916

1917

1918

1919

1920

1921

1922

1923

1924

1925

1926

1927

1928

1929

1930

1931

1932

1933

1934

1935

1936

1937

1938

1939

1940

1941

1942

1943

1944

1945

1946

1947

1948

1949

1950

1951

1952

1953

1954

1955

1956

1957

1958

1959

1960

1961

1962

1963

1964

1965

1966

1967

1968

1969

1970

1971

1972

1973

1974

1975

1976

1977

1978

1979

1980

1981

1982

1983

1984

1985

1986

1987

1988

1989

1990

1991

1992

1993

1994

1995

1996

1997

1998

1999

2000

2001

2002

2003

2004

2005

2006

2007

2008

2009

2010

2011

2012

2013

2014

2015

2016

2017

2018

2019

2020

2021

2022

2023

2024

2025

2026

2027

2028

2029

2030

2031

2032

2033

2034

2035

2036

2037

2038

2039

2040

2041

2042

2043

2044

2045

2046

2047

2048

2049

2050

2051

2052

2053

2054

2055

2056

2057

2058

2059

2060

2061

2062

2063

2064

2065

2066

2067

2068

2069

2070

2071

2072

2073

2074

2075

2076

2077

2078

2079

2080

2081

2082

2083

2084

2085

2086

2087

2088

2089

2090

2091

2092

2093

2094

2095

2096

2097

2098

2099

2100

2101

2102

2103

2104

2105

2106

2107

2108

2109

2110

2111

2112

2113

2114

2115

2116

2117

2118

2119

2120

2121

2122

2123

2124

2125

2126

2127

2128

2129

2130

2131

2132

2133

2134

2135

2136

2137

2138

2139

2140

2141

2142

2143

2144

2145

2146

2147

2148

2149

2150

2151

2152

2153

2154

2155

2156

2157

215

этотъ совершенно не удался. Во первыхъ, въ заведеніяхъ укоренялись и разводились въ большой пропорціи лишь интеллигенты приличные: приспособители, комментаторы и компиляторы, въ лучшемъ случаѣ, педагоги. А, во-вторыхъ, одомашненные интеллигенты-творцы портились.

Знаете такъ, какъ у нѣкоторыхъ дикихъ звѣрей, не поддающихся прирученію. Шкура портится, перестаетъ плодиться, получаетъ ракитъ, жирѣеть. Имѣется и сейчасъ значительное количество творческихъ натуръ въ нашихъ питомникахъ и разсадникахъ духа; но посмотрите, что съ ними случилось: обрюзгли, разлѣнились, ослабли и выдохлись. Нѣтъ надлежащаго моціона.

Что-же дѣлать, надо ихъ терпѣть не въ питомникахъ или сумасшедшихъ домахъ, а на волѣ. И притомъ въ соѣдствѣ съ такимъ горючимъ материаломъ, какъ народная, легко воспламеняемая масса, которая, что ни покажи—въ восторгѣ и готова сейчасъ-же воплощать безумнѣйшія химеры.

Вотъ и живемъ въ вѣчномъ страхѣ, что заронять искру и вспыхнетъ наша культура. Но, увы, только на свободѣ растутъ новыя идеи, только на широкомъ просторѣ рождаются новые образы, въ бурѣ и громѣ приходятъ новыя мелодіи.

А сами знаете, какъ въ нашемъ дѣлѣ обойтись безъ сезонныхъ новостей.

Только надо, чтобы безумцевъ не размножалось слишкомъ много.

И судьба словно слышитъ этотъ голосъ благоразумія. И такъ какъ при современномъ темпѣ развитія вовсе не такъ уже часто нужны творческие геніи, а рождается ихъ слишкомъ много, то она истребляетъ ихъ цѣлыми массами, поощряя, наоборотъ, хорошихъ дѣятелей.

А съ геніями она поступаетъ такъ. Изрядное ихъ количество погибаетъ вмѣстѣ съ тысячами крестьянскихъ дѣтей въ узаконенномъ статистикой процентѣ. Экстра-ординарно тонутъ они въ уличныхъ канавахъ или кадкахъ съ водой, сгораютъ въ печкахъ или идутъ живьемъ на угощеніе разошедшейся хавроньи.

Другую часть заколачиваютъ сапожники въ ученыи, или съѣдаеть улица съ дѣтскимъ развратомъ, нищенствомъ и „добрыми дядями“ почтенного типа. Много содѣйствуетъ и наша школа-прачечная, отъ Ѣдкаго мыла которой линяютъ всѣ краски, исчезаетъ индивидуальность, а изъ человѣка создается обрубокъ.

Доканчиваетъ его борьба за существованіе, т. к. геніальность никогда не сочетается съ практичесностью, и су-

щимъ младенцемъ ведетъ себя нашъ творецъ среди волчьяго стада.

Въ результатѣ—перекушенное горлышко, и пѣсенка спѣта. Много ихъ падаетъ на торной дорогѣ человѣчества. По ихъ костямъ идетъ наше общество къ прогрессу.

Уцѣлѣвшіе жестоко платятся за свое стремленіе къ оригинальному, новому, законченному. Быть ихъ съ двухъ сторонъ. Само творчество такъ медленно, въ такихъ мукахъ рождается. А добрые люди помогаютъ. Клевещутъ, оскорбляютъ, обкрадываютъ, преслѣдуютъ, гонятъ. „Если ты Богъ, то спрыгни съ этой горки, и ангелы понесутъ тебя“.

И сбрасываютъ.

И нечего жалѣть. Съ одной стороны, самъ виноватъ. Жаждаль распятія—вотъ и распяли, а съ другой—много этого добра на улицахъ валяется.

А по мѣрѣ надобности, конечно, того или иного можно купить и сдать на фабрику духовныхъ припасовъ.

И человѣчество не такъ уже неблагодарно. И если при жизни довольно рѣдко можно съ геніемъ столковаться, за то послѣ смерти другое дѣло, вѣдь уже больше не встанетъ!

Тяжелый камень на могилу. И пышный мавзолей. Между вдовою водочнаго фабриканта и высокопочтеннымъ комедіантомъ партійнаго цеха. Благодарное потомство. И рѣчи, рѣчи.

Посмотрите, какъ гладко изгибаются привычный словоблудъ надъ свѣжей могилой. Ничего, что краденныя слова и купленныя мысли. Какой широкій жестъ, какой грудной тембръ, ласкающія бархатныя ноты. И плачетъ во время проклятый враль. Смотрите, льются искреннія, горькія слѣзы.

А изъ кармана торчитъ веревка, на которой онъ же повѣсиль покойничка!

Никита Жуковъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

„Нѣмецкое зло“.

Сборникъ первый.

Намъ русскимъ надо не только одолѣть полчища тевтоновъ, но и внутреннюю Германію, которая просочилась въ нашу жизнь и которая вліяла на всѣ тѣ области, куда не проникло творчество народное.

Это наша священная обязанность и зачинъ уже положенъ, какъ въ сферѣ экономической, такъ и въ области духовной борьбы съ германскимъ тлетворнымъ вліяніемъ. И, конечно, печатное слово сыграетъ въ этомъ дѣлѣ не послѣднюю роль, особенно если оно будетъ руководимо уважаемыми именами, будетъ направляемо столпами нашей литературы и науки. Мы всѣ знаемъ, какъ немало потрудился уже на этомъ поприщѣ нашъ знаменитый Леонидъ Андреевъ, хорошо помнимъ, какъ онъ съ великолѣпнымъ негодованіемъ и неподражаемымъ знаніемъ дѣла заклеймилъ Солгаръ—не пошедшихъ въ борьбу съ тевтонами за освобожденіе славянства, вслѣдствіе какихъ-то дрязгъ изъ за Македоніи съ мужественными сербами—именемъ „торгующихъ въ храмѣ“. Мы всѣ преклоняемся передъ прекрасными патріотическими стихами Федора Сологуба, столь близкими, и по идейному содержанію, и по этическимъ достоинствамъ, къ безъискусственной народной поэзіи нашихъ дней—къ солдатской пѣснѣ, всѣ съ удовольствіемъ смотримъ на прекрасныя патріотическія иллюстраціи Кардовскаго, Шарельманя и другихъ художниковъ данной минуты въ нашихъ еженедѣльникахъ—хотя въ этой области мы еще конечно не можемъ указать столь же крупныхъ именъ, какъ имена Андреева и Сологуба...

Свою лепту въ дѣло идейного высвобожденія Руси нѣ подъ разлагающаго германского вліянія внесла между прочимъ и группа нашихъ маститыхъ профессоровъ; продуктъ ея работы—недавно вышедший первый выпускъ непериодического изданія подъ заглавіемъ: „Нѣмецкое зло“. Открывается сборникъ статьей нашего маститаго историка литературы о современныхъ тевтонахъ, имѣющей заглавіе тождественное самому сборнику. Она является въ нѣкоторомъ родѣ руководящей и прекрасно выясняетъ весь характеръ этого благороднаго изданія. Рельефно и свѣжо характеризуетъ въ ней уважаемый профессоръ „культурный“ обликъ современнаго варвара-тевтона: его жадность къ деньгамъ,

грубость, механичность души, отсутствіе живой вѣры, высокомѣріе и презрѣніе къ другимъ націямъ. Глубоко интересна эта *характеристика* (курсивъ нашъ, какъ и вездѣ ниже, гдѣ не будетъ специальныхъ оговорокъ) тѣмъ болѣе, что не забыты въ ней и хорошія (есть все же еще и такія) стороны души германца—его аккуратность, упорство характера, склонность къ порядку. Этому—въ общемъ все же въ высшей степени отвратительному виду—почтенный профессоръ противопоставляетъ глубоко привлекательный обликъ родной русской души. „Мы“—говорить онъ,—можетъ быть, опустившійся во всякомъ случаѣ, даровитый и сильный народъ“. И въ качествѣ одного изъ примѣровъ силы нашего духа, пожалуй необычайного для запада, онъ приводитъ знаменательное явленіе:

„Нынѣ русскій народъ, пишетъ профессоръ, наложилъ на себя великий подвигъ поста, поддержаній и Высочайшей волей—началось отрезвленіе спившихся слоевъ крестьянства и рабочихъ“.

Уже изъ выше приведенныхъ цитатъ и опредѣленій видно насколько замѣчательна статья профессора, но если комплексъ его мыслей великколѣпенъ и абсолютно неопровергимъ, то фактическія обоснованія все таки нуждаются въ нѣкоторыхъ поправкахъ, чѣмъ мы и займемся, дѣляя это съ тѣмъ большей радостью, что вѣдь намъ придется исправить кое-какія неточности въ работѣ гордости нашей науки.

Сдѣлаемъ только маленькую оговорку — стиль статьи профессора литературы мѣстами весьма, къ сожалѣнію, хромаетъ („мы не стрѣляли ихъ храмовъ“ и т. д.).

И переходимъ къ дѣлу—къ замѣченнымъ недочетамъ. Вотъ профессоръ разбираетъ напр. вопросъ о наглости современныхъ тевтоновъ—и тутъ-же попутно даетъ смѣшную гипотезу о постепенномъ въ теченіи вѣковъ озвѣреніи души тевтоновъ, относя начало процесса повидимому къ эпохѣ раннаго средневѣковья, а конецъ къ нашимъ днямъ. Онъ говоритъ:

„Грозныя предпосылки настоящаго германскаго одичанія можно было найти уже давно въ германской литературѣ... черты эгоизма, жадности, „лживости ради выгоды“, не-примиримой злобы мстительности этихъ индо-германцевъ проглядываютъ (?) и въ Эддѣ и особенно въ Пѣснѣ о Нibelungахъ“. Не слишкомъ ли смѣло это сказано?

Не правильнѣй ли предположить, что во время созданія этихъ эпосовъ жизнь и обычай наглыхъ тевтоновъ были все таки грубѣе, чѣмъ въ наше время? И, слѣдовательно,

нынѣшняя психика германцевъ отнюдь не есть дальнѣйшее развитіе предпосылокъ средневѣковой жестокости?

А когда почтенный профессоръ, касаясь уже нашихъ временъ, пожелалъ иллюстрировать примѣромъ свою мысль о безсердечной жестокости тевтоновъ, то получилось нѣчто странное:

„Во времена крѣпостного права, пишетъ онъ, предпо-
читались управляющіе изъ нѣмцевъ; каковы были эти господа, можно судить по одному случаю:

Еще недавно въ Парголовѣ скончался крестьянинъ Черновъ, возвращенный изъ каторги свидѣтель того, какъ вы-
веденные изъ терпѣнія крестьяне зарыли своего управляю-
щаго нѣмца живымъ въ землю“

Если бы профессоръ немножко подумалъ надъ тѣмъ,
что онъ написалъ, онъ бы увидѣлъ, что изъ случайнаго
факта жестокости, проявленной крестьянами *русскими* (къ
тому же быть можетъ „спившимися“, ибо не въ славянской
натурѣ зарывать людей въ землю) по отношенію къ нѣмцу—
никоимъ образомъ нельзя вывести заключеніе о жестокости
нѣмецкой.

Это—примѣръ неправильныхъ выводовъ мысли; конечно,
у почтеннаго профессора, какъ и у всякаго человѣка, могла
произойти случайная запинка въ мозговой работѣ, но, къ
сожалѣнію, онъ даже и отдѣльныя слова употребляетъ под-
часъ весьма странно, не считаясь съ ихъ общепринятымъ
значеніемъ.

«Въ русской промышленности и торговлѣ, пишетъ про-
фессоръ, нѣмцы и не только собственники, но и директора,
управляющіе фабрикъ и заводовъ, инженеры, техники, стар-
шие мастера твердой стѣнной стоять на своихъ постахъ и,
гдѣ можно,—на лучшія мѣста проводятъ своихъ родичей, а
русскіе, даже и достойные люди, въ частныхъ предпріятіяхъ
часто презираются, иногда, къ сожалѣнію, и русскими арма-
торами». Почтенный профессоръ не сообразилъ, что слово
„арматоръ“ относится исключительно къ сферѣ, морепла-
ванія, а именно чаще всего такъ назывались въ прежнія
времена владѣльцы вооруженныхъ кораблей, предназначен-
ныхъ для охоты за непріятельскими судами, и, такимъ
образомъ, этотъ морской терминъ, да еще въ добавокъ
полуграбительского характера—къ нашей торговлѣ и про-
мышленности не вполнѣ примѣнимъ. Впрочемъ, почтеннаго
профессора смущило, вѣроятно, иностранное слово — про-
стимъ же ему это невольное прегрѣшеніе.

Но вотъ мы уже на грани исторіи литературы — въ
сферѣ соціологическихъ учений и идеологій: «идоль 40—50 г.

Гегель..—пишетъ профессоръ—смѣнился въ 60 г. Либихомъ,
Бюхнеромъ... на смѣну пришелъ Лассаль, за Лассалемъ
Марксъ—за Маркомъ Каутскій, Ницше, Штирнеръ и дру-
гие болотные огни нѣмецкаго вырожденія».

Будучи приведены въ большое изумленіе проникновен-
ными мыслями маститаго профессора, мы все же должны
констатировать тотъ фактъ, что профессоръ напуталъ хро-
нологію. Помянутый Штирнеръ и родился и умеръ раньше
Маркса, а равно и «Единственный» (къ свѣдѣнію профес-
сора—самый капитальный трудъ Штирнера) появился нѣ-
сколько ранѣе крупныхъ работъ Маркса. Наконецъ, мы
добрались до сферы специальной области занятій маститаго
профессора—литературныхъ произведеній. Здѣсь мы позво-
лимъ себѣ сразу познакомить читателей съ лите-
ратурными симпатіями профессора *русской словесности*.
Рѣчь идетъ о тевтонской солидарности, сплоченности, и
вотъ онъ говоритъ: «Рекомендую прочесть на эту тему
«поучительный» (навычки наши) романъ госпожи Крыжа-
новской Рочестеръ „Паутина“, изданный дважды въ 1905
и 1914 г.г.“ Видимо внимательно слѣдить профессоръ за
данной писательницей, отмѣчая даже оба года изданія. Но
ему, къ сожалѣнію, не въ домекъ, что произведенія Крыжа-
новской, хотя и дѣйствительно продуктъ отечественной сло-
весности, да, только „съ другой стороны“. Пусть же воз-
благодаритъ насъ профессоръ за даваемый нынѣ ему цѣнныій
совѣтъ: еще болѣе „поучительными“ онъ найдетъ для себя
творенія кн. Бебутовой и нашего извѣстнаго Брешко-Бреш-
ковскаго—тѣ незабвенно великолѣпные фельетоны-романы
въ X+I частяхъ, что онъ можетъ найти на страницахъ
„Петроградскаго листка“ и „газеты“.

Еще одинъ экскурсъ вмѣстѣ съ многоуважаемымъ про-
фессоромъ.

Давая характеристику протестантской вѣры, къ которой онъ
относится скептически, считая ее умирающей, да и вообще
годившейся лишь для «нѣмецкой души», онъ далѣе пишетъ:

„Это та вѣра, которая, по словамъ Хомякова:

Еще не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь,
Но часъ пробилъ, насталъ—молитесь Богу.
Въ послѣдній разъ вы молитесь теперь“.

«По словамъ Хомякова»!?

Неужели же почтенный профессоръ русской словесности
не знаетъ, что четверостишіе, приписанное Хомякову, при-
надлежитъ Тютчеву и есть заключительная строфа знамени-
таго тютчевскаго стихотворенія: «Я лютеранъ люблю богослу-
женіе»...

Професору посовѣтуемъ отъ души покинуть область изученія чистой литературы и обратиться отъ нея въ сферу изслѣдованія національныхъ психологій и бытовыхъ чертъ, ибо на этомъ поприщѣ ему смѣло можемъ предсказать блестящую будущность. Не говорить ли за это хотя бы слѣдующая, неподражаемая по тонкости анализа, цитата изъ его классической статьи:

„Воздадимъ должное нѣмецкимъ булочнымъ и колбаснымъ: тамъ нѣмцы работаютъ наряду съ русскими рабочими и удовлетворяютъ вкусу даже нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ особъ, привыкшихъ къ тонкой заграничной гастрономіи”...

Обзоръ нашъ конченъ. Поблагодаримъ въ заключеніе почтенную редакцію сборника и многоуважаемаго профессора

за доставленное намъ удовольствіе. По мѣрѣ нашихъ слабыхъ силъ мы постарались передать вычитанныя нами безподобныя по глубинѣ анализ мысли и попутно отмѣтить кое какіе недочеты. Повторимъ въ заключеніе мѣткія слова редакціи, этого прекраснаго сборника:

«Намъ русскимъ, надо не только одолѣть полчища тевтоновъ и ихъ особенной государственности предѣль положить... но надо одолѣть внутреннюю Германію, которая просочилась въ нашу жизнь, которая двѣsti лѣтъ вліяла на нашу политику внѣшнюю и внутреннюю»... которая, добавимъ отъ себя, въ числѣ прочихъ золъ наслала и невѣжество на нашъ многострадальную родину.

Виночерпій.

М. СОКОЛОВЪ.

МАГАЗИНЫ и МАСТЕРСКИЯ:

Невскій 59, противъ Надеж-
динской улицы.

Невскій, 71, уг. Николаевской
улицы.

ТЕЛЕФОНЪ 55-89.

МОЖНО ДЕШЕВО КУПИТЬ
НОВЫЕ и СЛУЧАЙНЫЕ
ЧАСЫ, ЗОЛОТО, БРИЛЛИАНТОВЫЕ ВЕЩИ и СЕРЕБРО.

МАГАЗИНЪ МУЖСКАГО ПЛАТЬЯ

К. Р. БЕНИНГА.

Петроградъ, Вознесенскій просп., 24. Телефонъ 508-40.

ПОЛУЧЕНА ГРОМАДНАЯ ПАРТИЯ НОВЬЙШИХЪ МАТЕРІЙ ИНОСТРАННЫХЪ и ЛУЧШИХЪ
ЗДѢШНИХЪ ФАБРИКЪ, ТАКЖЕ ВНОВЬ ПРИГОТОВЛЕНЫ

— ГОТОВЫЯ МУЖСКАЯ ПЛАТЬЯ: —

пальто, костюмы и проч., въ большомъ выборѣ.

ФАСОНЪ ИЗЯЩНЫЙ, РАБОТА ПРОЧНАЯ.

Заказы принимаются на всѣ статскія и форменные платья по самыи
добросовѣстныи цѣнамъ и исполняются въ кратчайшемъ времени.

Поставщикъ Двора Его

Императорскаго Величества

Блигкенъ и Робинсонъ.

КОМЕНДУЕТЪ
для похода

СГУЩЕННОЕ МОЛОКО
и КОФЕ со СЛИВКАМИ.

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА

Петроградъ, Невскій пр., № 66.

Телефонъ № 85-27.

НОВАЯ КНИГА:

— ОЛЬГА ОРГЪ. —

Ю. СЛЕЗКИНЪ, Романъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Изъ отзывовъ печати.

...“Въ той области, которую Слезкинъ себѣ отмежевалъ, онъ мастеръ. Даже скользакую тему объ Эросѣ, много навредившую молодой литературѣ, онъ трактуетъ изящно, не впадая въ шаржъ и въ цинизмъ.

Хорошо намѣчены конфликты между старыми, выросшими въ прочныхъ устояхъ родителями и своеобразными безудержанными дѣтьми... Не изъ головы своей авторъ взялъ эту трезвость и скороспѣльность спѣшащихъ жить дѣтей. И въ этомъ его художническое оправданіе.”...

(Е. Колтоновская. Рѣчь, № 88 1914 г.).

ТОРГОВАЯ КОНТОРА

С. Н. ЧЕРЕМХИНЪ

ПЕТРОГРАДЪ, ГОРОХОВАЯ, 42.

ТЕЛЕФОНЫ №№ 115-33 и 156-23.

ТИПОГРАФІЯ и
ПЕРЕПЛЕТНАЯ
съ новѣйшимъ
техническимъ
оборудованіемъ
исполняетъ
всевозможные
художественные
ЗАКАЗЫ
добросовѣстно
и аккуратно.

ФАБРИКА
КОНТОРСКИХЪ
НИИГЪ,
линовальная и
конвертная,
складъ бумаги и
всевозможныхъ
канцелярскихъ
принадлежностей.

112.6-

Цѣна 15 коп.

